

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ЛИТВЕ

(Исторический обзор)

А. ГУЧАС

Литовская психологическая мысль зарождается в недрах глубокого прошлого. Язык таит в себе мир чувств и дум народа, образ его мышления. Но в этом отношении литовской язык еще не изучался. Много интересного скрывается в обильном литовском фольклоре. В народных сказках, поговорках, загадках, баснях отражаются психические свойства человека, черты его характера, иногда рисуется его облик с моральной оценкой. Известны попытки психологов по материалам фольклора проследить некоторые психологические знания народа¹, но и по этому вопросу не имеется современных исследований литовского фольклора, кроме попыток С. Даукантаса и Л. Юцявичюса (начало XIX века), не соответствующих, однако, требованиям современной науки. К древним источникам психологических знаний народа можно отнести также некоторые этнографические и археологические материалы, которых в последнее время накапливается все больше.

Материалом для изучения психологических знаний могут служить и некоторые письменные источники, не относящиеся непосредственно к психологической науке (летописи, дипломатическая переписка и др.), книги религиозного и философского содержания и др. Как явствует из опубликованных исследований румынских психологов², в исторических документах можно найти данные для психологической портретистики действующих лиц, общественных классов и народов. Из известных нам древних материалов можно указать на письма Гедиминаса, на мемориал Витаутаса Великого (1390 г.), в которых содержатся интересные эскизы для психологической характеристики феодальной верхушки. В этом отношении заслуживает внимания и Литовская метрика.

Преимущественно нас интересуют психологические знания, содержащиеся в печатных памятниках литовского языка и в сохранившихся рукописях, ибо здесь эти знания излагаются часто в прямом виде и в понятиях, бытующих и в настоящее время. А это значит начинать с XVI века.

В данной статье, разумеется, мы не можем дать исчерпывающий очерк психологической мысли в Литве, поэтому попытаемся начертить лишь главные этапы, основные вехи развития, используя некоторые источники и, главным образом, опубликованные исследования.

¹ М. Д. Магеррамов, Идеи о психике и психических явлениях в азербайджанском фольклоре. Материалы III Закавказской конференции психологов, Баку, 1962, стр. 61—63.

² Т. Hersoni si N. Radu, Вклад летописцев в развитие румынской психологии, Резюме, „Revista de psihologie“, 1962, № 1, стр. 78.

1. Развитие психологической мысли в эпоху феодализма

Ранние печатные памятники литовского языка и литературы имели религиозное назначение. Первая печатная книга, которая дошла до нас, вышла в 1547 г. Это был катехизис М. Мажвидаса „Katechismusa prasty szadei...“ В нем, как и в любой книге религиозного содержания, проповедовались представления о субстанциональности и бессмертии души, о врожденности моральных качеств («добродетелей») человека. Но в предисловиях или введениях этих же памятников мы иногда встречаем рассуждения, не имеющие отношения к богословию. Так, М. Мажвидас подчеркивает значение печатного слова для формирования сознания человека.

XVI век в развитии науки в Литве, в том числе и в развитии психологической мысли, сыграл очень важную роль. Движение гуманизма и реформации, которое ознаменовалось преобразованиями в культурной жизни, было знаменательным для Литвы тем, что в 1578—1579 гг. была открыта высшая школа — Вильнюсская академия, или университет. Психологические знания, бытующие в народе, существуют и дальше, но их дополняет официальная схоластическая психология, которая преподавалась в коллегиях Литвы и Вильнюсской академии вплоть до ее закрытия в 1773 г.

На протяжении почти двухсот лет академическая психология питалась соками древнегреческой мудрости, занималась изложением и комментированием трех книг Аристотеля «О душе», иногда отступая от нее к перипатетикам или некоторым авторитетам церкви. Из таких авторитетов можно упомянуть Альберта Великого, Фому Аквинского, Дунса Скотта и ряд других более или менее известных имен. Об этом свидетельствуют рукописи лекций, хранящиеся в фондах Научной библиотеки Вильнюсского университета. Преподавание учений таких авторов, как Гассенди, Декарта, Локка и т. п., в иезуитских школах, в том числе и в Вильнюсской академии, было запрещено. Однако курс психологии не был целиком повторением Аристотеля, хотя во многом опирался на его учение о душе³. И в условиях строгого надзора по вопросам воли, мышления и чувств высказывались мысли, отличающиеся от положений схоластики. Профессор И. Древис психические процессы рассматривает как имеющие связь с деятельностью мозга, С. Лосевский зрение объясняет движением животных духов из глаз в головной мозг и обратно, как бы предвзято идею обратной связи между периферией и центром, которая имеет место во время процесса ощущения. Взгляды профессоров Вильнюсской академии расходились со взглядами Аристотеля и в том, чтоместилищем внутренних чувств они считали не сердце, а мозг. И. Древис, например, общее чувство и представления локализовал в передней части головного мозга (лоб), мышление и творческое воображение — в средней части, а память — в затылочной части⁴.

Наряду с преподаванием психологии на лекциях в Вильнюсской академии психологическая мысль нашла свое выражение и вне стен ее.

Во второй половине XVI в. на литовскую культуру и литературу оказали влияние идеи Ренессанса. Даже в некоторых книгах священного содержания встречаем рассуждения о сущности человека, выходящие за рамки учения церкви. Так, М. Даукша в предисловии к «Постилле» (1599) выступает в защиту литовского языка как род-

³ R. Plečkaitis, *Psichologijos dėstymo Lietuvos mokyklose XVII a. pabaigoje — XVIII a. pradžioje apžvalga*, „Pedagogika ir psichologija“, t. III, p. 99—113.

⁴ Там же.

ного, против пренебрежения к нему со стороны светской и духовной знати, и рассматривает его как природное средство для общественного и культурного общения народа. По словам Даукши, родной язык выражает самобытность народа, его сущность и природные свойства. Главное в этих утверждениях то, что они аргументируются в духе П. Бембо, С. Сперони и других представителей Ренессанса, защищавших родной язык против греческого или латыни⁵. М. Даукша, будучи священником, опирается не на св. писание, а на природу, которая, по его словам, всех обучает и заставляет говорить, ибо каждый по своей природе имеет склонность к своему языку.

Во второй половине XVI века и в XVII в. в Литве боролись между собой религиозные течения. Сильное влияние идей Возрождения и реформации развивало у людей критичность мысли и скептицизм. Наряду с протестантизмом появились вольнодумцы, оживилось арианство. Из арианцев известен К. Бекеш, которому приписывается изречение: „*Coelum non curat, inferos non timeo*“ («Небо меня не заботит, ада не боюсь») ⁶. Воспитанник Вильнюсского университета К. Лыщинский, автор трактата „*De non existentia Dei*“ («О несуществовании бога»), рассуждавший, что бог — плод воображения людей, а критерий истины — разум, был сожжен в Варшаве за вольнодумство (1689). Все это указывает на то, что даже в условиях контрреформации в Литве существовали представители материалистической мысли, которые по-другому понимали душу человека и его духовную жизнь, чем схоласты.

Психологические знания, кроме лекционных записей специально по курсу психологии, философских и теологических трактатов, можно найти и в другой литературе того времени. Философская и психологическая мысль запечатлелась в трудах по логике, юриспруденции, истории, литературе. Так, профессор юриспруденции Вильнюсской академии А. Олизаровиус в книге „*De politico hominum societate*“ (1651), излагающий мысли Платона, Аристотеля, Плутарха о воспитании, дополняет их изречениями Вивесса, Мора, Эразма Роттердамского и других известных авторов Ренессанса, признает своеобразие детской психики, ее развития, указывает на различие темпов развития мальчиков и девочек и полагает, что воспитание имеет более важное значение, чем природа, потому что воспитание развивает способности („*solet enim ingenium cum annis venire*“, p. 112). Хотя Олизаровиус не оригинальный мыслитель⁷, но общее направление его мыслей является характерным выражением прогрессивных идей в Вильнюсской академии XVII века.

Во второй половине XVIII века начинается распад схоластической психологии. Развитие экономических отношений в Литве, за которым следовали и изменения в культурной жизни, оказало влияние на дальнейшее развитие философско-психологической мысли. Психология стала самостоятельной философской дисциплиной. Официальные представители психологии в Вильнюсской академии искали компромисса между схоластикой и теологией, с одной стороны, и новыми психологическими теориями — с другой. Психология все еще имела спекулятивный характер, преподавалась в идеалистическом духе, однако уже сильно отличалась от психологии XVI—XVII вв. Теперь излагаются не древние авторы, дополняя их новыми, а, наоборот, делается попытка теории

⁵ J. Lebedys, Mikalojus Daukša, Vilnius, 1964, p. 282—306.

⁶ J. Jurginis, Renesansas ir humanizmas Lietuvoje, Vilnius, 1965, p. 248.

⁷ Польский историк С. Кож насчитал 254 автора, которых Олизаровиус цитирует в упомянутом труде (см. *Księga pomiatowa uniwersytetu Wilenskiego*, 1928, s. 31).

авторов новых времен согласовать с теологией и некоторыми положениями схоластической психологии⁸. Авторитетом теперь стал Х. Вольф, излагались также некоторые взгляды Декарта и Локка, а Гоббса осуждали за материализм.

Во второй половине XVIII в. психология много занималась проблемой единства души. И Декарт, и Вольф признавали, что душа неделима, но в связи с признанием локализации психических функций надо было также признавать, что душа либо распределена по всему телу, либо находится в определенной части его. Чтобы решить этот вопрос, философы прибегали к знаниям, которые накопила наука с развитием анатомии и физиологии. Так, А. Скорульский и другие профессора в своих курсах по психологии широко излагают знания о строении внутренних органов и головного мозга, приводится положение о «взаимной зависимости тела и души»⁹. Известны имена таких авторов XVIII в., как П. Ласкис, Б. Добшевичюс, Д. Савицкис и др. В их трудах находим зачатки учения о порогах ощущения, сенсуалистическую теорию образования понятий («Всегда утверждение правильно: нет ничего в интеллекте, чего не было раньше в чувствах»). Критика врожденных идей проводилась с привлечением положений сенсуализма и эмпиризма Гассенди. Ученые Вильнюсской академии XVIII в. различали разум теоретический (умозрительный) и практический (действенный), с помощью которого человек совершает реальные действия, что предваряло концепции И. Канта о чистом и практическом разуме¹⁰. Деятельность творческого воображения могла протекать лишь при условии, что сохранились образы непосредственного восприятия (представления). Процесс воображения — это процесс ассоциирования (consociatio). К этому времени неотъемлемой частью общей психологии стала и психология животных. Литовские психологи XVIII в. возражали против положения Декарта, что животные якобы являются автоматами¹¹, и указывали, что животным присущи свойства, которыми не отличаются машины (удаление от более сильного противника, при творение мертвым, радость и др.).

2. Психология в период разложения феодализма и формирования капиталистических отношений (1795—1861)

К концу XVIII века в Литве происходят большие изменения в экономической, политической и культурной жизни. Просветительные идеи XVIII века находят здесь благодатную почву. После закрытия ордена иезуитов его имущество и школы перешли в руки государства. Эдукационная комиссия, которая ведала школами, Вильнюсскую академию преобразовала в Главную Школу Великого Княжества Литовского (1781—1797). Преподавание философии, а тем самым и психологии, было сокращено. С открытием медицинского отделения на факультете физики усилилось естественнонаучное направление. Это отражалось также в учебниках средней школы. Все это содействовало развитию материалистической мысли, которая потенциально заключалась в естествознании, оказало также влияние на возникновение и дальнейшее развитие некоторых психологических проблем. Совместно с развитием науки еще больше возрос интерес к естествознанию в Вильнюс-

⁸ R. Plečkaitis, *Psichologijos kėstymas filosofijos kurse Lietuvos mokyklose antrojoje XVIII a. pusėje*, „Filosofija“, t. VI, 1965, p. 93—109.

⁹ Там же, стр. 103.

¹⁰ Там же, стр. 104—105.

¹¹ Там же, стр. 108.

ском университете (1803—1832), который был открыт царским правительством на базе существовавшей высшей школы после присоединения Литвы к России (1794). Зачатки психологической науки зарождались в противоречивых условиях жизни XVIII в. Выявились три основных направления, истоками которых были естествознание, философия и историко-этнографическая литература.

Еще до Дарвина в естествознании укоренилась мысль о том, что в природе происходит постепенное развитие. В Вильнюсском университете такое направление представлял Л. Боянус, профессор сравнительной анатомии, признававший развитие органического мира и видевший в природе не стремление к равновесию, как полагали многие эволюционисты, а воплощение «жестокой борьбы». Его преемником на той же кафедре был Э. Эйхвальд, побывавший уже в Тартуском и Казанском университетах. Э. Эйхвальд признавал идею постепенного развития в природе, возникновение высших видов животных из низших. Профессор химии Е. Снядецкий в своей книге «Теория органических веществ» (1804) настойчиво проводил мысль, что жизнь — непрерывное изменение постоянных форм, в самой же форме материя тоже постоянно претерпевает изменения. Е. Снядецкий считается сторонником органической эволюции. Общая идея развития органической природы послужила предпосылкой для возникшего в середине XIX века биологического эволюционизма. Кроме того, в 1810 году в Вильнюсе был переведен на польский язык и издан снискавший себе широкую известность труд чешского ученого Г. Прохазки «Физиология, или Наука о естестве человеческого», которым пользовались студенты медицинского факультета. Г. Прохазка развивал учение Декарта. Согласно трем элементам рефлекторной дуги он классифицировал и «душевные функции» во внешние чувства, внутренние чувства и произвольные движения. В психических функциях Г. Прохазка видел «жизненный компас» человека, поскольку они помогают различать полезные и вредные воздействия среды¹².

В начале XIX века в Вильнюсском университете преподавались философские дисциплины, в них определенное место отводилось и вопросам психологии. В Вильнюсском университете на протяжении 30 лет его существования философию преподавали даже три профессора, представлявшие различные философские системы. И. Г. Абиخت в течение 12 лет (с 1804 по 1816 г.) преподавал в университете логику и метафизику. Курс свой неизменно начинал с психологии. В 1814 году в Вильнюсе он издал оригинальный труд по психологии, хотя и назвал его основами философии¹³. Свой курс психологии Абиخت излагал в духе учения Канта и Рейнгольда. Психологию он рассматривал как науку, схватывающую физиологию души, общую практическую философию, критический разум, чистую теоретическую философию и рациональную психологию. Психология должна была изучать «душевные силы, природу души, ее закономерности и способности». В систему психологии, в ту ее часть, которую он называл практической философией, вошла и педагогика как наука, завершающая человеческую культуру, или как предмет, обучающий искусству формирования и совершенствования людей. Молодой польский философ-романтик Ю. Голуховский неполный год (с 1823 по 1824 г.) представлял в Вильнюсском университете философские воззрения Шеллинга. Шеллингианство в России поддержива-

¹² Д. Толлингерова, Георгий Прохазка и его место в истории психологии, Из истории русской психологии, Москва, 1961, стр. 141—295.

¹³ J. H. A b i c h t, *Initia philosophiae proprie sic dictae, liber I. Psychologiae partem continens*, Vilnae, 1814.

ли и распространяли Д. М. Велланский и В. Ф. Одоевский¹⁴. Д. М. Велланский перевел на русский язык сочинение Ю. Голуховского 1822 года («Философия, относящаяся к жизни целых народов и каждого человека», СПб, 1834). Для психологии представляют интерес мысли Ю. Голуховского по вопросам познания, чувств и деятельности. Ю. Голуховский придавал большое значение интуиции. Представляет интерес его взгляд на проблему деятельности человека: чтобы человек мог достигнуть своих целей, его деятельность должна быть продуманной, должны быть намечены план и средства действия; практически действия человека происходят по диагонали, ибо на них влияют различные жизненные обстоятельства (отношения с другими людьми и внешние условия). Текст лекции Ю. Голуховского «О страдании в этой жизни», которую он не успел прочитать в 1824 г., переписывался студентами с рукописи. Переписал его и М. Валанчюс. Позже рукопись эта попала в руки С. Даукантаса. Одно время до Ю. Голуховского и после него, вплоть до самого закрытия Вильнюсского университета царскими властями (в 1832 году), курс философии читал А. Довгирд. Он оставил после себя несколько трактатов по логике, рукописи по вопросам сравнительной психологии: «Краткие замечания о душе животных и об отличии ее от человеческой души»¹⁵. А. Довгирд пытался определить место логики (тем самым и психологии) в системе наук. Х. Вольф считал психологию частью метафизики. И. Г. Абихт метафизику включил в психологию. А. Довгирд установил для психологии самостоятельное место, подчинив ей логику. В вопросах теории познания он опирался на Локка, Кондильяка и на некоторых других философов. А. Довгирд признавал, что человек обладает потенциальной способностью чувствовать (*sensus communis*). Чтобы это доказать, он не поступает как Кондильяк с воображаемой статуей, которая якобы пробуждается под воздействием различных внешних раздражений, а берет к примеру ребенка и показывает, как тот сперва в силу осязания, а затем и другими чувствами постепенно убеждается в существовании реальности мира и самого себя; важная функция в познании внешнего мира отводится руке. Психические процессы начинаются тогда, когда возникшее в нервной системе движение доходит до мозга. В этом вопросе А. Довгирд пользуется объяснениями Е. Снядецкого, изложенными в его сочинении «Теория органических существ».

Психологическая мысль существовала и развивалась также помимо университета. В отделе рукописей Вильнюсского университета хранятся рукописи психологического содержания первой половины XIX века, содержащие, вероятно, школьные записи, в которых отражается большое влияние Х. Вольфа, кантианцев и некоторых представителей русской психологической мысли (Галича). Душа определяется как бытие, познающее самое себя и предметы, находящиеся вне ее. Проводится мысль, что между душой и телом существует согласие — устойчивая гармония, «которую так настойчиво популяризировал великий учитель Х. Вольф» (рукопись № 504). Автор «Введения в эмпирическую и умственную психологию» (рукопись № 2302, 1862 г.) посвящает небольшой раздел вопросам психических возрастных различий, а также психическим различиям пола. Хотя эти вопросы трактуются довольно поверх-

¹⁴ Б. Г. А н а н ь е в, Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков, Москва, 1947, стр. 65—66.

¹⁵ Рукописи обнаружил Э. К. Дорошевич (Аниол Довгирд — мыслитель эпохи Просвещения, Минск, 1967), С. Качмареку они были еще неизвестны (Aniol Dowgird filozof nieznanu, Warszawa, 1965).

носно, но интересен сам факт попытки раскрыть различия в отдельные периоды психического развития.

Кроме упомянутых направлений, большой интерес представляют зачатки этнической психологии в Литве. В первой половине XIX века и позже психологическая мысль порой проникает и в сочинения воспитанников Вильнюсского университета — просветителей литовского народа. Подавляющее большинство вышедшей из шляхетских кругов интеллигенции отказалось от языка своих предков, упорно цеплялось за свои сословные привилегии, и только горстка бывших воспитанников университета выбрала путь просветителей народа. Они проявляли интерес к прошлому литовского народа, к его обычаям и языку. Симонас Даукантас (1793—1864) творил в то время, когда под влиянием французской буржуазной революции и романтизма возник интерес к национальному самосознанию, когда еще была жива тенденция изображать жизнь народа как одно органическое целое, включая сюда внутреннюю жизнь нации, в ее культурном, социальном и духовном аспектах. С. Даукантасу знакомы были важнейшие произведения историографии (Гуго Гроций, Вико, Мабли, Мишле и др.), по вопросам педагогики и психологии он читал, в частности, Х. Вольфа. Опираясь на богатый исторический, этнографический и фольклорный материал, С. Даукантас пытался дать картину общественной психологии литовского народа эпохи феодализма. Он широко пользуется при этом пословицами и поговорками, поскольку они отражают психологию народа, его моральные воззрения и другие элементы мироощущения. В литературе XVII—XVIII веков широкое распространение получила тенденция придавать фактам, почерпнутым из наблюдения действительности, форму конкретных принципов. Тенденции этой придеживался и С. Даукантас, создавая идеальный образ, в котором воплощены психические черты литовского народа, отбирая из всех пословиц и поговорок то, что лучше всего соответствовало представлениям автора. Главными чертами этого идеального образа в трудах С. Даукантаса «Деяния древних литовцев и жемайтисов» (1822) и «Быт древних литовцев» (1840) представлены патриотизм, трудолюбие, терпеливость, уважение к старшим, гостеприимство, способность наслаждаться природой (эстетическое чувство) и др. Что касается понимания души, то тут он придеживался наивных материалистических воззрений. Интересный психологический материал дает Л. Юцявичюс (1813—1846). Ряса священника для этого человека широких взглядов и больших помыслов оказалась слишком тесной. Художественные и научные устремления отдалили его от своих братьев по духовному сословию. В книгах «Пословицы литовского народа» (1840) и «Литва, памятники ее старины, быт и обычаи» (1846) он, как и С. Даукантас, пытается характеризовать литовский народ путем анализа его обычаев, пословиц и поговорок. Примечательны приведенные им портреты отдельных психологических типов. Л. Юцявичюс комментирует и объясняет отдельные поговорки. За этими комментариями и объяснениями видны образы живых людей. Присущие человеку свойства характера зачастую выявляются путем сравнения его с какой-нибудь птицей или животным. Особенно ярко нарисованные типы присутствуют в сочинении «Воспоминания о Жемайтийской земле» (1842). Все они бытуют в поместьях, местечках или деревнях Литвы. Представителям дворянства и шляхты приписываются негативные черты. Это не объективистское описание, а раскрытие и осуждение их жадности, тщеславия и других пороков. Л. Юцявичюс, рисуя галерею портретов, умел найти позу, движение, жест, речевую окраску и другие характерные черты, раскрывающие психические свойства созданных

им типов. Читая характеристики, обрисованные автором в «Воспоминаниях о Жемайтской земле», невольно припоминаются «Характеры» Лабрюера, написанные однако на полотнах несравненно большего размера и кистью более крупного мастера.

3. Психологическая мысль в эпоху капитализма

Во второй половине XIX в. в Литве развивается капитализм, появляются новые, сложные явления в общественной жизни народа. После неудавшегося крестьянского восстания 1863 г. царскими властями было запрещено печатание книг и газет латино-литовским шрифтом. С ростом капиталистических отношений все сильнее росла потребность в знаниях, в просвещении. Появляется литовская интеллигенция из безродного сословия. Наряду с религиозной литературой растет и развивается и светская. Она печатается за рубежом, тайно переправляется через границу и находит себе читателя среди литовского населения. В религиозной, художественной литературе, в книгах для первоначальной учебы отражаются наряду с общественно-философской мыслью¹⁶ и психологические знания авторов этих книг. Для примера можно указать хотя бы на М. Валанчюса (1801—1875). Занявший высокий пост в иерархии католической церкви (с 1850 по 1875 год он был епископом Жемайтии), М. Валанчюс основывал школы, издавал на литовском языке книги, писал дидактические рассказы, предназначенные для детей и взрослых. В художественных произведениях М. Валанчюса мы нередко встречаем яркий образ крестьянского мальчика (бойкий Винце, Мике-лгунишка, Прунце-ястребок-перепелятник и др.). И хотя это всего лишь схематические портреты, но как раз поэтому они очень яркие, доступны, легко запоминаются. Это говорит о наблюдательности М. Валанчюса, его психологической проницательности, умении обобщить психические черты ребенка и придать им беллетристическую форму. На созданных М. Валанчюсом образах крестьянских детей училось морали не одно поколение юных литовских читателей, по-своему их переживая и воссоздавая в своем воображении, дополняя их образами из окружающей среды.

С развитием экономических отношений идет углубление идейной дифференциации среди литовского общества, особенно после 1881—1883 годов, что влечет за собой борьбу и по мировоззренческим вопросам, в том числе по философским вопросам психологии. К этому времени появилась многочисленная литовская эмиграция, особенно в США, которая жила в условиях жестокой эксплуатации и была пропитана мятежным духом. В ее среде получает распространение материалистическая мысль. Значительную роль в пропаганде материализма сыграл Й. Шлюпас (1861—1945). Большое влияние на него оказал вульгарный материализм. В 1892—1893 годах он переводил книгу Л. Бюхнера и печатал ее в журнале „Apšvieta“ («Просвещение»). Как Й. Шлюпас, так и публицист, популяризатор научных знаний Й. Адомайтис-Шярнас (1859—1922) в своих статьях и книгах с материалистических позиций толковали философские вопросы психологии. Настойчиво проводилась мысль, что с эволюцией сложных организмов эволюционирует и их нервная система, а вместе с ней и формы психической деятельности. Большое влияние имели и психологические взгляды Г. Спенсера, впрочем, очищенные от шелухи его социологических положений. Й. Адо-

¹⁶ Б. Гензелис, Развитие общественно-философской мысли в Литве во второй половине XIX в. (автореферат), Вильнюс, 1965.

майтис-Шярнас и Й. Шлюпас часто прибегали к Спенсеру, но только для подтверждения пропагандируемых ими принципов последовательного развития в природе. Для доказательства того, что психические свойства человека являются результатом долгого развития вида, недостаточно было указать на факт, что при изменении органа психики — мозга изменяется и психика, необходимы были прямые доказательства этого тезиса. Й. Шлюпас, Й. Адомайтис-Шярнас и др. литовские публицисты-просветители конца XIX в. для подкрепления этого тезиса искали фактического материала в психической деятельности первобытного человека (1), в психической деятельности людей, чья познавательная способность была сужена вследствие сенсорных дефектов (2), в психическом развитии нормальных детей, живущих в разных условиях среды (3). Й. Жельвене сюда добавила еще психические явления из жизни животных (4) и требовала изучать психическое развитие сравнительным методом. При исследовании психики всюду подчеркивалось значение жизненных условий и способностей организма приспосабливаться к изменениям среды. Указывалось, что животное приспосабливается к среде, в которой оно живет, изменяя свои биологические свойства, а у человека приспособление осуществляется, кроме того, путем чувствования, разума и других способностей. Прогрессивные литовские публицисты конца XIX века вели полемику с представителями идеалистических религиозных взглядов по вопросу врожденности психических качеств (в том числе и моральных чувств) человека. Й. Шлюпас и Й. Адомайтис-Шярнас заложили начало генетической психологии в Литве.

При изучении развития психики человека были затронуты и сложные механизмы психических процессов, включая сюда и речь как весьма сложное явление человеческой сущности. В процессе обсуждения формирования сознания в непосредственной связи с актуальными проблемами просвещения литовского народа объектом анализа стали и вопросы детской психологии, но делалось это уже на новом, более высоком уровне, чем в середине XIX века в упомянутой нами рукописи «Введение в эмпирическую и умственную психологию». В борьбе с концепцией врожденных идей и способностей получила безусловное признание роль среды в воспитании; роли же активности самого субъекта в этой концепции совершенно нет места. Во всех сочинениях публицистов-просветителей конца XIX века настойчиво проводится мысль, что воспитание надо сочетать с психологическими особенностями детского возраста.

Большой поворот в развитии психологической мысли в Литве произошёл с революцией 1905—1907 гг. Накануне революции (в апреле 1904 г.) царскими властями было разрешено печатание литовских книг в пределах Русской империи. Появилась сравнительно многочисленная периодическая печать. Революция 1905—1907 гг. содействовала оживлению культурной жизни в Литве, наряду с этим усилился интерес к педагогическим и психологическим наукам. В условиях ожесточённой идеологической борьбы развивалась и крепла марксистская мысль. В. Мицкявичюс-Капсукас (1880—1934) критиковал вульгарный, механистический эволюционизм, развитие трактовал как диалектический процесс. Наряду с этим поднимается проблема сознания, подчеркивается общественная обусловленность ее.

Проблема сознания становится объектом рассуждений и у представителей идеалистических течений. В. Стороста-Видунас пропагандирует древнеиндийское учение о трансмиграции души, о развитии сознания, а в области познания — интуитивизм. Для решения некоторых частных

вопросов психологии (память, речь), Видунас придерживается апперцептивной теории В. Вундта, слушателем которого в Лейпциге он был. Р. Битаутас (1886—1915), воспитанник Московского университета (ученик Г. И. Челпанова), в первую пору полемизировал с идеалистами клерикального направления, защищал некоторые положения механистического материализма, доказывал его позитивную роль в развитии науки. Не соглашаясь полностью с положениями механистического материализма, Р. Битаутас стал его критиковать, «исправлять» — и неминуемо пришел к идеализму. Особенно это явствует из его основного труда «Критика учения Вундта о понятии субстанции души» (рукопись, 1912). Р. Битаутас полагает, что психология — эмпирическая наука, свой объект — душу она может познать лишь через посредство ее явлений, носителем которых является душевная субстанция. К этому выводу он приходит не без противоречий и колебаний. В. Вундта Р. Битаутас критиковал особенно за то, что он был непосредственным идеалистом-субъективистом. В интерпретации Р. Битаутаса сознание в системе психологии В. Вундта тождественно осознанному внутреннему опыту. Применение же к явлениям сознания принципа Дж. Беркли — явления сознания существуют только тогда, когда они воспринимаемы (осознаваемы) — лишает возможности объективно исследовать сознание. Р. Битаутас критиковал В. Вундта и за то, что в его системе остались пробелы проникновения материализма в психологию. В. Вундт бытие считал первичной реальностью, элементарные психические процессы (ощущения), из которых получаются сложные психические образования, производятся внешними раздражителями. Но у В. Вундта остается неизвестным, какие силы движут творческое преобразование ощущений. Все это, по мнению Р. Битаутаса, якобы открывает путь для материализма в психологии.

В начале XX века зарождается литовская экспериментальная психология. В лаборатории у А. П. Нечаева в Петербурге работает Й. Вабалас-Гудайтис, изучает латентное время реакций человека и одновременно занимается у проф. Н. Е. Введенского (физиолога). На I съезде по экспериментальной педагогике в Петербурге (1910 г.) Й. Вабалас-Гудайтис выступил с докладом об изучении внимания и продемонстрировал сконструированный им для этих целей аппарат, а затем в «Ежегоднике экспериментальной педагогики 1913 г.» публикует крупную статью «Исследование простейших психических реакций». Примерно в это же время В. Лазерсонас у Ф. Шумана в Цюрихе пишет диссертацию «Критика главных теорий о непосредственном восприятии движения» (1912), в которой доказывает, что во время восприятия движения к первичным чувственным данным присоединяется еще центрального происхождения «нечто» (прототип гештальта?). Это был шаг вперед по сравнению с интеллектуалистическими теориями П. Линке и других психологов. Й. Стяпоновичюс в лаборатории у В. Вундта в Лейпциге занимается психофизическими измерениями, чтобы защитить от упреков Г. Э. Мюллера метод средних ошибок, и публикует работу «Исследование восстановления субъективного уравнивания методом средней ошибки при применении метода регистрации» (1912). Но главное в этой работе — экспериментальные данные, на основе которых он мог делать выводы о типологических особенностях испытуемых. По чертам динамики деятельности испытуемых автор мог их разделить на три типа: 1) антипационный, или ассимилятивный, тип, 2) тип исследующей, или прогрессирующей, апперцепции и 3) тип экспериментирующей апперцепции. Исследования Й. Стяпоновичюса были положительно оценены В. Виртом и И. Фребесом.

Детская и педагогическая психология развивается совместно с накоплением фактов биолого-генетического характера. Идея эволюции в области естественных наук настолько укрепилась, что представители идеализма и метафизики не могли больше ей противостоять, но зато они утверждали (А. Дамбраускас-Якштас, П. Довидайтис), что «план развития» якобы предусмотрен заранее сверхъестественными силами и включает в себя «грех и наказание». Такие взгляды были непримиримы с гуманистическими стремлениями прогрессивного учительства. Им была противопоставлена тенденция рассматривать развитие психики ребенка как следствие развития природы — развитие психики совершается посредством созревания внутренних сил организма, спонтанно реализующих способности, коренящиеся в природе психики (К. Скабейка, А. Якучёнис).

В огне революционных боев пала царская Россия — тюрьма народов, возникло государство нового типа — государство Советов. В 1918 году Литва восстановила свою государственность¹⁷, которой не имела с 1794 года (когда произошел последний раздел Польского и Литовского государств). Произошли большие преобразования в области культуры и просвещения. Советская власть недолго просуществовала, в 1919 г. власть в свои руки захватила литовская буржуазия. В 1922 году в городе Каунасе открывается Литовский университет — высшая школа, которой Литва не имела на протяжении 90 лет. В университете, в гимназиях и учительских семинариях преподается психология. В связи с этим получает новый толчок и психологическая наука в целом — обсуждаются теоретические вопросы, разворачиваются экспериментальные исследования. Психология была представлена на теолого-философском факультете, в котором сплотились представители идеализма и мистики, и на факультете гуманитарных наук, который сплотил в своих рядах более прогрессивных ученых.

Яркой фигурой теолого-философского факультета был С. Шалкаускис (1886—1941), профессор философии и педагогики, направлявший идейные стремления клерикальной молодежи. Он превозносил Аристотеля и Фому Аквинского и, следуя за ними, утверждал, что тело и душа образуют человеческую сущность, как материя и форма образуют любой предмет материального мира. Человека от других животных существ отделяет его разумная природа¹⁸. Такие взгляды на психику человека мы уже встречали в литовской схоластической психологии XVII—XVIII вв., но С. Шалкаускис как неосхоласт ставит и новые проблемы.

На литовских неосхоластов большое влияние оказал русский философ-мистик Вл. Соловьев. Интерес к нему был настолько велик, что ряд молодых литовских ученых, продолжавших учебу за рубежом, поставили перед собой задачу полностью изучить философскую систему Вл. Соловьева и написали диссертации по вопросам его гносеологии, космологии, этики, эстетики, философии истории, педагогики. Среди таких диссертантов был и С. Шалкаускис, написавший работу о душе мира (*l'ame du monde*) в философии Вл. Соловьева. Очевидно, под влиянием Вл. Соловьева он остановился на проблеме взаимодействия западной и восточной культур и отсюда перешел к вопросу о психическом складе литовского народа. По его мнению, психический склад литовского народа якобы является синтезом психических черт, культуры и быта народов Востока и Запада, на стыке которых находится ли-

¹⁷ Lietuvos TSR istorija, t. III, Vilnius, 1965, p. 42.

¹⁸ St. Šalčiauskis, Kultūros filosofijos metmens, Kaunas, 1926, p. 22.

товская цивилизация. Эта историческая «судьба» якобы и определяет ее самобытность¹⁹.

С. Шалкаускису содействовали профессора психологии, богословы М. Рейнис и И. Тамошайтис, в своих лекциях и статьях излагавшие идеалистические взгляды на специальные вопросы психологии. Й. Стяпонавичюс, прежде в изучении психических явлений использовавший у В. Вундта экспериментальный метод, теперь стал заниматься оккультизмом, бездоказательными рассуждениями. Упомянутые психологи в общественной жизни литовского народа проявили себя как реакционные политические деятели.

Если С. Шалкаускис и иезуиты строго придерживались главных положений схоластики, то на молодое поколение реакционной буржуазии уже оказали влияние и другие идеалистические философские и психологические течения, в том числе иррационалистическая психология лейпцигской школы и французская социологическая школа.

Прогрессивные тенденции в литовской психологической науке связаны с развитием естествознания и экспериментальной психологии. В двадцатые годы самые крайние представители спекулятивной психологии, защищая субстанциональность души, выступали против материалистического понимания психики человека и против экспериментального ее изучения. Применение в психологических исследованиях экспериментального метода выражает, якобы, неуважение личности. В те годы прогрессивным было само отстаивание экспериментального изучения психики. Борьбу с представителями спекулятивной психологии за экспериментальный метод отстаивал Й. Вабалас-Гудайтис (1881—1955), профессор педагогики и психологии факультета гуманитарных наук Литовского университета, организовавший на факультете хорошо оборудованную лабораторию экспериментальной психологии. В Каунасе Й. Вабалас-Гудайтис продолжал начатые в Петербурге исследования. Он выдвинул проблему, «на какой ступени чувственного восприятия появляется импульс к реагированию и воплощается в форме соответствующего движения»²⁰. Занимаясь этой проблемой, он обратил внимание на исследования Н. Н. Ланге, из которых вытекает, что восприятие — это фазовый процесс. Изучая продолжительность реакций, он пришел к выводу, что укорочение их времени можно объяснить функциональным состоянием организма. Эти исследования привели его к проблеме индивидуальных различий испытуемых. Й. Вабалас-Гудайтис предлагал о психических особенностях человека судить не по отдельным изолированным реакциям, а по результатам, полученным в продолжительной работе. Для этого он использовал серии несложных задач, решение которых заканчивалось исполнительным движением. Испытуемый к определенному типу трудоспособности причислялся по тому, задачу которого типа он решал более успешно. При оценке трудоспособности человека Й. Вабалас-Гудайтис предлагал придерживаться принципа качественной компенсации. В методику исследований входила динамометрия (применялся динамоскоп К. Н. Корнилова).

Й. Вабалас-Гудайтис в двадцатые годы психологию определял как науку о субъективных биосоциальных функциях нервной системы. В университете читаемый им курс по детской психологии был построен под влиянием М. Я. Басова. Й. Вабалас-Гудайтис в своих лекциях всегда излагал коротко учение И. П. Павлова об условных рефлексах. Его

¹⁹ St. Šalkauskis, Sur les Confins de deux Mondes. Essai synthétique sur le problème de la Civilisation Nationale en Lituanie, Genève, 1919.

²⁰ J. Vabalas-Gudaitis, Patobulintas psichinių reakcijų metodus žmogaus darbingumui tirti, Kaunas, 1927, p. 72.

лекции и журнальные статьи были очень неблагоприятно встречены представителями идеалистической умозрительной психологии и богословами.

И. Вабалас-Гудайтис неоднократно выступал с докладами на международных психологических конгрессах и конференциях (Германия 1923, Голландия 1928, США 1929, СССР 1931 и др.). Главной темой его выступлений были вопросы усовершенствования исследований трудоспособности человека. Известное внимание он посвятил разработке системы тестов для познания природных свойств человека, причем на свои тесты он смотрел не как на метод испытания, а как на метод исследования.

Сотрудником И. Вабаласа-Гудайтиса в Литовском университете был приват-доцент В. Лазерсонас (1889—1945), врач-психиатр. Начатую деятельность психолога-эксперименталиста он не продолжил. Будучи приват-доцентом, в своих статьях и лекциях он использовал главным образом эмпирический и клинический материал, чтобы осветить психологию исключительных детей. Поддерживал развитие прикладной психологии.

По вопросам детской, педагогической и прикладной психологии писали также А. Бусилас, А. Гучас, Й. Лаужикас, А. Ляугминас, П. Мальдейкис, Ю. Мартинайтис, Й. Пянкаускас и др. В трудах представителей естествознания профессоров К. Алексы, Т. Иванускаса, Й. Кайрюкшиса и Й. Шюпаускаса излагались факты и положения, содействующие развитию материалистической психологии. Было учреждено Литовское общество психотехники и профессиональной ориентации, которое в тесном контакте с учителями разрабатывало мероприятия для профессионального ориентирования и отбора учащихся.

Известные заслуги в распространении материалистических взглядов на психику имеет журнал „Kultūra“ («Культура», 1923—1941). Читатель мог найти в нем изложение основ учения В. М. Бехтерева и И. П. Павлова. Здесь печатались также статьи, из которых явствовало общественная детерминированность развития и формирования сознания (Ю. Гальвидис). Журнал „Gamta“ («Природа», 1936—1940) опубликовал ценный материал для естественно-научного обоснования психических явлений.

4. Литовская советская психология

В 1939 г. началась вторая мировая война, которая принесла большие перемены в жизни литовского народа: в том же году город Вильнюс и вильнюсские земли, после поражения панской Польши, Советским правительством были возвращены Литве. Происходили организационные перемены в институтах высшего образования. Факультет гуманитарных наук из Каунаса был переведен в Вильнюсский университет, перенесена сюда и психологическая лаборатория. В 1940 году Литва стала Советской республикой. В Вильнюсском университете проф. И. Вабалас-Гудайтис стал читать только предметы педагогической науки, кафедру психологии возглавил доцент В. Лазерсонас²¹. После войны произошли большие изменения в системе народного образования Литвы, появились новые высшие педагогические учебные заведения, потребовались кадры преподавателей психологии. Первое послевоенное десятилетие ушло на усовершенствование преподавания психологии в средних и высших школах и на подготовку кадров, которыми обеспе-

²¹ В. Лазерсонас во время немецкой оккупации был заключен в концентрационный лагерь Дахау и там умер весной 1945 г.

чил республику главным образом Вильнюсский педагогический институт, где известное время существовал педагогический факультет. С повышением квалификации молодых преподавателей заметно возрастает научно-исследовательская работа, в начале своего развития не имевшая твердо определенного плана. Тематику исследований определял профиль соответствующего вуза, или они включались в проблематику центральных научных учреждений. Примерно с 1958 г., когда при Вильнюсском университете была открыта аспирантура по психологии, а с 1966 года — и при Вильнюсском педагогическом институте, научно-исследовательская работа пошла по более определенному руслу. К развитию психологической науки должны приступить новые силы, потому что с 1969 года в Вильнюсском университете открывается отделение психологии.

Развитие и состояние литовской советской психологии получило свое освещение в статье А. Яцикявичюса²². С точки зрения проблем общей психологии нами проведен анализ в другом очерке²³. Здесь обзревается результаты лишь некоторых работ.

В первую очередь отметим **вопросы психологии восприятия**, которые изучаются в плане общей и детской психологии. С первых лет исследований в литовской советской психологии появляется генетический подход к изучению восприятия. Чтобы проследить развитие способности к так называемому изолирующему абстрагированию на наглядном материале (задачи типа найти замаскированную фигуру в сюжетной картинке), А. Гучас варьировал степень замаскировки искомой фигуры (эталона) и задачи разной трудности давал решать детям и студентам. Результаты исследования показали, что по характеру ошибок, допускаемых детьми от 3 до 13 лет при обнаружении искомой фигуры, можно установить следующую, генетически определенную последовательность фаз этого процесса: а) сперва воспринимается смысловое содержание; б) затем происходит отвлечение от него с позитивным абстагированием некоторых свойств фигуры (острые углы, выгнутости и пр.); в) дальнейшая фаза — обращение испытуемого к таким же элементам фона; г) последняя фаза — обнаружение адекватной фигуры. Взрослые испытуемые допускают ошибки такого же рода, но тогда, когда сталкиваются с затруднениями в решении данной задачи. Последовательность перехода от одних свойств искомого образа к другим преобладает фазы восприятия фигур, обнаруживающихся в микрогенезе восприятия. Процесс восприятия рассматривается как сложная аналитико-синтетическая деятельность человека, включающая ранее добытую и сохраненную информацию, дополняющую и перестраивающую сенсорные данные.

Генетический подход к изучаемому вопросу обнаруживается и в исследованиях Ю. Лапе, посвященных особенностям формирования осязательного и зрительного образа. Главные гипотезы были направлены на раскрытие механизмов чувственного познания — особенностей формирования первичного, элементарного образа в осязании и зрении. Автор пришел к заключению, что целостный образ предмета может сформироваться и в условиях пассивного осязания, что восприятие формы предмета осязанием обусловлено физическими свойствами объектов (степенью шероховатости, эластичностью). Ю. Лапе обнаружил чрезвычайно интересные факты, что с возрастанием (в определен-

²² A. J a c i k e v i č i u s, Psichologijos mokslo raida Tarybų Lietuvoje, „Pedagogika ir psichologija“, t. IX (1) 1968, p. 5—16.

²³ A. G u č a s. Bendrosios psichologijos problemos lietuvių tarybinėje psichologijoje. Kn.: Pedagogikos mokslų vystymasis Tarybų Lietuvoje, V., 1969, p. 8—19.

ных пределах) шероховатости фигуры, ее периметр воспринимается удлинненным, хотя реально он остается одним и тем же; если же эластичность ребра фигуры не во всех ее частях одинакова, то более эластичные места воспринимаются с изгибами. В исследованиях восприятия предметов осязанием и зрением особенно явствует взаимодействие пространственных и временных компонентов. При сравнении особенностей формирования образа в условиях зрения или осязания выявляется ряд общих черт.

Выводы теоретических исследований Ю. П. Лапе имели практическое применение в целях усовершенствования типографической техники. Однако проблемы, имеющие непосредственное отношение к инженерной психологии, изучаются в исследованиях С. Паужайте и А. Пянкаускаса.

С. Паужайте посвятила свои исследования систематическому изучению соотношений между элементами сенсорного и моторного полей оператора, управляющего машинами по приборам. Она пришла к выводу, что соответствие пространственных и временных признаков движения сигнала на индикаторе и движения органа управления способствуют улучшению координации между глазом и рукой, а следовательно и повышению эффективности действий. Так, когда оператор должен управлять круглой ручкой по показаниям круглой шкалы, латентный период (время от подачи сигнала до начала движения) равнялся 0,20 сек., а время моторного компонента — 0,76 сек. Когда же управление производится круглой ручкой по показаниям горизонтальной шкалы, средняя величина дозирочных реакций соответственно 0,23 сек. и 1,05 сек. Также было показано, что влияние фактора соответствия на реакцию обнаруживается не только в регулировании двигательного акта, но и на уровне его программирования.

Некоторые характеристики сенсорного поля оператора изучает А. Пянкаускас, а именно: как плотность расположения зрительных сигналов на панели влияет на скорость и точность их восприятия. Из данных экспериментов следует вывод, что время восприятия почти прямо пропорционально росту числа сигналов в константном зрительном поле. Если же изменять величину зрительного поля, а число сигналов остается константным, то время восприятия незначительно сокращается при уменьшении плотности сигналов. В условиях хаотического распределения сигналов в зрительном поле, в процессе восприятия происходит их группировка, характер которой зависит от плотности сигналов. Так, когда плотность сигналов меньше, группировка происходит более крупными подмножествами. Этот фактор указывает на возможную оптимизацию стратегии восприятия. А. Пянкаускас определяет пределы оптимальной плотности однозначных зрительных раздражителей между $1^{\circ}26'$ и $11^{\circ}26'$ (нижней и высший пределы), по средней статистической характеристике в пределах от 0,00097 до 0,0039 при размере зрительного поля по вертикали и горизонтали в пределах от $5^{\circ}43'$ до $22^{\circ}38'$. При решении задачи на мнемосхеме по ранее усвоенному алгоритму показатели оптимальной плотности установлены следующие: в угловых величинах $46'$ средняя статистическая 0,026 при угле зрительного поля по вертикали $19^{\circ}52'$, по горизонтали $12^{\circ}40'$. Таким образом, роль фактора плотности в эффективности восприятия снижается в тех случаях, когда сигналы расположены в зрительном поле по определенной системе (как это бывает в мнемосхемах). Все это доказывает, что эффективность восприятия зависит от организации сенсорного поля оператора, от задач и условий его работы.

Восприятие значительно усложняется и меняется его динамика, когда процесс связан с обнаружением заданного знака в поисковом поле. В экспериментах Э. Римкуте, когда при помощи метода кинорегистрации движений глаз изучалась динамика и структурные особенности зрительного поискового процесса, оказалось, что даже в простейших вариантах такого поиска для осуществляемых действий характерна большая разнообразность и влияние факторов, неучитывающихся в количественном подходе в математических моделях к поисковому процессу. К ним относятся следующие факты: 1) довольно часто для принятия решения об идентичности недостаточно непосредственного фиксирования взором искомого знака; для этого требуется дополнительная проверка индифферентных знаков; 2) топография распределения наиболее длинных или более плотно расположенных фиксаций показывает, что не существует абсолютной независимости времени фиксирования от свойств знака; 3) неравномерность скачков глаза является основой для предположения об эвристических элементах в перцептивном процессе.

Во всех исследованиях восприятия ставится задача найти ее механизмы и оптимальные условия эффективности. Изучение особенностей восприятия в разных условиях деятельности человека должно привести к выявлению закономерностей, способствующих управлению процессом восприятия.

Изучение мышления и речи — второй круг вопросов в литовской советской психологии. Исследование мышления проводится в связи с изучением языка и на его материале. Так, М. Гарбачяускене нашла закономерности мыслительной деятельности учащихся, обнаруживающиеся при усвоении частей речи и членов предложения, и пришла к выводу, что успешность усвоения грамматического материала развивается совместно с постепенным усвоением логических законов мышления. Затем она стала экспериментально изучать некоторые особенности логического мышления учащихся: развивающуюся взаимосвязь между противоположными, обратными мыслительными операциями (различением и отождествлением в сравнении, абстрагированием и конкретизацией) при усвоении сложных, в основном грамматических понятий — и установила несколько уровней сравнения. Из таких уровней можно указать на: а) рядоположение, когда различие не опирается на отождествление, б) противопоставление — непротивоположных понятий, в) сопоставление — различие через первичное отождествление, г) существенно обратимое сравнение — различие устанавливается внутри существенного тождества. М. Гарбачяускене в последнее время работает над уровнями абстрагирования, обусловленными особенностями конкретизации.

А. Яцикявичюс в 1956 году начал психологические исследования с вопроса о развитии мышления на неродном языке и перешел в сущности к психологическим аспектам многоязычия. Формирование многоязычия (литовский + русский + иностранный языки) — чрезвычайно актуальная проблема в настоящее время. Впервые в исследованиях А. Яцикявичюса был охвачен весь продолжительный процесс научения речи на втором — русском — языке от учеников II-го класса начальной школы и до студентов специальности русского языка в вузе. Удачное применение различных вариантов экспериментальной методики помогло раскрыть многие интересные закономерности формирования интервербальных связей и становления устной речи на втором языке. Было установлено соответствие особенностей ассоциативных процессов на втором языке с развитием речи на нем, опровергнута гипотеза о необхо-

димости переводной стадии в становлении речи на новом языке. Данные о закономерностях устного перевода с первого на второй и со второго на родной язык доказали несостоятельность переводной методики преподавания неродного языка. Автором выполнен ряд исследований, касающихся взаимоотношений языков и в психике полиглота; выявлены условия продуктивности вербальной памяти на втором языке, особенности формирования непосредственного кодирования мыслей средствами усваиваемого языка и др. Под руководством А. Яцкиявичюса исследуется влияние различной мотивации на успешность научения иностранному языку (М. Чюрлене), перенос и интерференция навыков в усвоении третьего (иностранного) языка, индивидуальные личностные аспекты в усвоении иностранного языка и др. К изучению индивидуальных различий языка надо также отнести работы В. Нячюнаса. И. Лаптевайте нашла, что в условиях обучения иностранному языку в технических вузах оптимальным количеством запоминаемой лексики на одном занятии является 18 ± 3 слова. Развитие речи и мышления дошкольника отражается в исследованиях А. Пошкене.

Лаборатория экспериментальной фонетики и психологии речи Вильнюсского педагогического института изучала речевую интонацию современного литовского литературного языка, сопоставляя полученные экспериментальные данные с соответствующими явлениями других языков (русского и иностранных). Имеются и исследования сигнального значения звуков литовского языка методом спектрального анализа. Результаты исследований опубликованы в сборнике «Материалы коллоквиума лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи» (вып. I, 1964, вып. II, 1966) под редакцией научного руководителя лаборатории Б. И. Свецевичюса и проф. В. А. Артемова. С лабораторией сотрудничают и представители физико-математических наук (Л. Телькснис); результатом такого сотрудничества явилось новое устройство — интонограф, который автоматически регистрирует речевой сигнал (его интенсивность и основной тон). К экспериментальным исследованиям этого же типа следует отнести и работы С. Элиёшюте о возбудимости речевого побуждения.

Вопросам собственно психологии мышления уделяет внимание В. Карвялис, изучая конструктивную деятельность у умственно-отсталых детей. Улучшение умственных действий у этих детей и, в частности, умение производить сравнения возникают только при специально направленной работе. Опыты показывают, что в результате обучающего эксперимента учащиеся самостоятельно приступают к сравнению изделия с образцом (до эксперимента 5%, после — 50%), увеличивается полнота сравнения по деталям и их взаимосвязи, изменяются и способы сравнения: от весьма глобального недифференцированного сравнения «на глаз» ученики перешли в основном к сравнению путем измерения меркой. Б. Стонис изучает процесс планирования детьми нормальных начальных классов на уроках труда и выявил некоторые психологические особенности этого процесса.

Интересные для психолога факты обнаружил математик И. Моцкус, исследуя процесс решения многоэкстремальных задач (задач невыпуклого программирования). Обработав результаты нескольких тысяч психологических экспериментов на электронной вычислительной машине типа БЭСМ-2М с использованием специально разработанной программы, он нашел, что средняя погрешность эвристического решения оказалась 10—15%, индивидуальные же погрешности некоторых участников не превышают долей процента. Погрешность в среднем снижается с повышением образования, опыта и успеваемости участников экспери-

мента, числа последовательно решаемых задач, а также продолжительности решения.

Изучение закономерностей развития и формирования личностных качеств человека тесно связано с системой воспитательных воздействий, которые перерастают в межличностные отношения. В первую очередь возникают вопросы произвольного регулирования деятельности человека. И. Лаужикас в монографии «Очерки по воспитанию воли учащихся» (1965) излагает результаты исследования развития воли учащихся младших классов вспомогательной школы и разрабатывает систему воспитательных воздействий для преодоления барьеров, которые ставит развитию волевых качеств психическая неполноценность. Для более точного определения развития волевой деятельности учащихся автор применял психологический эксперимент: испытание моторной энергии, координации и выдержки в отношении динамической и статической деятельности, ставил испытания темпа, координации и подвижности графических действий. После выявления индивидуальных различий соответственно им применялись и воспитательные мероприятия, причем основное внимание было направлено на активизирующие (двигательные) и тормозящие (задерживающие) качества воли учащихся. По истечении года коррекционно-воспитательных занятий показатели психологического испытания изучаемых учащихся улучшились больше, чем соответствующие показатели контрольных классов. Вместе с тем получены и более заметные сдвиги в общем психическом развитии умственно-отсталых детей.

Ю. Палайма много лет посвятил исследованию произвольной регуляции действий и психических состояний у спортсменов. Сюда входят вопросы волевой подготовки (развитие волевых качеств), регуляции эмоциональных состояний. Исследование показало, что изучаемые волевые качества имеют непосредственную связь с моральной воспитательностью игроков, их физической, технической и тактической подготовкой, наблюдательностью, а также индивидуальными психическими особенностями. Развитие инициативности проходит три фазы: а) общая активность игрока, б) самостоятельность и умение по своей ответственности начать действия, в) все действия игрока получают творческий характер. В последнее время Ю. Палайма главное внимание в своих исследованиях уделяет мотивам спортивной деятельности, а именно, мотивам выбора и занятия соответствующим видом спорта, их связью с волевой активностью занимающихся физическими упражнениями, а также мотивам соревновательной деятельности. Большой интерес представляет попытка автора измерить сравнительную силу этих мотивов. Важно здесь отметить, что работы по изучению волевых качеств учащихся и спортсменов проводятся при помощи экспериментальных методик.

К изучению **индивидуальных различий человека** в первую очередь надо отнести исследования С. Крягжде, в которых автор предпринимает попытку установить закономерности профессиональных интересов учащихся. Применяя методики социальной и дифференциальной психологии, С. Крягжде в своих опытах охватывает подростков и юношей средней общеобразовательной школы, а также вузовских студентов. Данные, полученные в течение нескольких лет (исследования ведутся с 1959 г.), показывают тенденции и динамику популярности некоторых профессий. В текущем десятилетии профессии технического и медицинского профиля считаются самыми популярными. Тенденция изменения популярности профессий идет от профессий прикладного характера к теоретическим профессиям. Выбор технических профессий мотивиру-

ется чаще всего тем, что они требуют от человека интеллектуальной деятельности, а выбор медицинских профессий — тем, что в этой области деятельности имеется возможность проявить гуманистическое отношение к людям. Нежелание выбора профессий бытового обслуживания обосновывается тем, что эти профессии бедны интеллектуальными элементами. Несколько лет подряд проводятся индивидуальные испытания с одними и теми же лицами, чтобы установить динамику их отношения к выбираемым профессиям. Обнаружилось несколько типичных, довольно устойчивых групп, формирование профессиональных интересов у которых определяется целым комплексом социальных воздействий, не исключая и индивидуальных свойств испытуемых. Особенно большой стереотипностью отличаются эти группы в высших школах.

Л. Йовайша создал систему профессионального ориентирования учащихся восьмилетней школы. Основой для этого ему послужили собственные исследования в области профессиональных интересов и намерений, а также профессионального самоопределения учащихся VIII—IX классов. Это дало возможность раскрыть структуру профессиональной сознательности (ориентации), установить типологические группы профессиональных интересов и наклонностей, найти классификацию испытуемых согласно их профессиональной сознательности (ориентации). Эти результаты отразились и на методике, разработанной в целях познания учащихся в учебно-воспитательном процессе. Л. Йовайша испробовал некоторые педагогические мероприятия, которые помогают обнаружить индивидуальные свойства учащихся, важные в проведении профконсультации. Эти мероприятия создают условия для получающего консультацию психологически и практически приспособиться (адаптироваться) к профессии, которую он предвидел выбрать для себя. Во время процесса адаптации проводится наблюдение профессиональной дифференциации учащихся согласно их интересам, способностям и другим свойствам. Вместе с тем разработана система индивидуального профконсультирования учащихся при помощи коллектива учителей и врачей, в котором важную роль играют долголетние психолого-педагогические и медицинские наблюдения. Разработанная система профориентации и профконсультации внедряется в школьную практику.

Изучение профессиональных интересов учащихся, их познание в школе и использование собранных данных в целях профконсультации в Советской Литве заметно продвинулось вперед. Решением правительства Литовской ССР в главных городах республики открыто десять лабораторий профориентации и профконсультации.

История литовской психологической науки в досоветский период в Литве совершенно не исследовалась, хотя литовская психологическая наука имеет за собой долгий путь развития. Для содержательного раскрытия прошлого литовской психологической мысли имеются большие возможности, потому что сохранилось много рукописного материала со времен древней Вильнюсской академии (университета). Впервые поднял эти рукописи и по первоисточникам очертил главные проблемы психологии в Литве XVI—XVIII веков Р. Плечкайтис. В его докторской диссертации «Философия в учебных заведениях Литвы в XVI—XVIII вв.» (1968) имеются главы, посвященные изложению психологической мысли, господствовавшей в указанное время. Изучается также развитие психологической науки в Литве в период капитализма (XIX — начало XX веков). Главные проблемы литовской психологической науки этого периода изложены в монографии А. Гучаса «Развитие психологии в Литве (конец XIX — начало XX веков)». Краткий обзор развития

психологии в Литве имеется в «Малой Литовской советской энциклопедии» (т. II, В., 1968).

Литовская советская психология развивается не изолированно. Литовские психологи поддерживают связь с Институтом психологии АПН СССР, факультетами психологии Московского и Ленинградского университетов, Киевом, Тбилиси, Ереваном. Тесное содружество существует между психологами Прибалтики. Литовские психологи выступали с докладами на съездах Общества психологов в Москве (1958), в Ленинграде (1962), в Киеве (1968), в Рязани, Тбилиси, на соответствующих тематических конференциях. Каждые два года проводятся зональные конференции литовских, эстонских и латышских психологов (Вильнюс, 1960, 1966; Тарту, 1962, 1968; Рига, 1964), а также республиканские конференции. Материалы конференций опубликованы в форме тезисов. Эти конференции способствуют обмену мыслями и идеями в области психологической науки, являются известным отчетом и координацией исследовательской работы психологов Прибалтики, а вместе с тем укрепляют интернациональные чувства ученых братских советских республик.

За истекший период появилось лишь несколько оригинальных трудов на литовском языке. Научная продукция раньше публиковалась в ученых записках вузов республики, в журнале „Tarybinė psichologija“ («Советская школа»), в сборнике «Вопросы педагогической психологии» (1961), а с 1962 года в объединенных научных трудах высших учебных заведений Литовской ССР, серия «Педагогика и психология» (из печати вышло 9 томов). Статьи печатаются на литовском или на русском языках, с резюме на другом из этих языков. Из переводной литературы, появившейся на литовском языке, следует отметить книгу Аристотеля «О душе» (1958), учебники Б. М. Теплова, Фортунатова и А. В. Петровского, учебник под редакцией А. А. Смирнова (1960), учебник А. В. Запорожца (1967), также книги И. П. Павлова, Е. А. Аркина, И. А. Арямова, В. А. Крутецкого и Н. С. Лукина, К. К. Платонова, М. Бобневой и др.

Активизации литовских советских психологов содействовало учреждение в 1958 г. всесоюзного Общества психологов, членами которого состоят и психологи республики, объединенные в свое отделение. Организационно деятельности психологов и педагогов содействует секция педагогики и психологии при Методическом совете Министерства высшего и специального образования Литовской ССР и Республиканский Совет по координации научно-исследовательских работ по педагогике и психологии.

В литовской советской психологической науке прочно утвердилась марксистско-ленинская методология и методы экспериментального исследования, имеющие свои традиции в прошлом, она обогатилась новыми проблемами, новым направлением их решения и практической значимостью.

ЛИТЕРАТУРА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Нет возможности представить хотя бы наиболее важные издания психологического содержания за все время существования психологической науки в Литве, поэтому мы ограничимся лишь указанием на некоторые статьи и книги советского периода, отражающие главное направление исследований соответствующего автора. Статьи опубликованы в основном на литовском языке с резюме на русском. Названия работ приводим на русском языке.

Битинас Б., Алгоритм конструирования одномерной психодиагностической шкалы, Изд. НИИШ Литовской ССР, Вильнюс, 1968, 26 стр.

Вайткунене Л., Обучение чтению чертежей, Изд. НИИШ Лит. ССР, Вильнюс, 1969, 88 стр.

Веккер Л. М., Лале Ю. П., К проблеме построения осязательного образа, «Вопросы психологии», № 5, 1961, стр. 143—153.

Вопросы педагогической психологии, под ред. А. Гучаса (на лит. яз.), Изд. педагогической литературы, Каунас, 1961, 113 стр.

Гарбачаускаене М., Об уровнях различения сходных грамматических знаний (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. II, 1962, стр. 19—33.

Гарбачаускаене М., Об уровнях мыслительной операции различения, «Педагогика и психология», т. VIII, 1966, стр. 27—31.

Гарбачаускаене М., Палярскайте Ю., О взаимосвязи абстрагирования и конкретизирования при усвоении грамматики, «Педагогика и психология», т. VIII, 1966, стр. 33—39.

Гучас А. Исследование развития изолирующей абстракции (неопубликованная диссертация, машинопись, на лит. яз.), Вильнюс, 1943, 184 стр.

Гучас А., Некоторые особенности аналитико-синтетической деятельности детей при вычленении данной фигуры в сюжетной картинке (на лит. яз.), Ученые зап. Вильнюсского педагогического института, т. V, 1958, стр. 153—167.

Гучас А., О роли моторного компонента в сенсомоторной деятельности детей дошкольного возраста, Сб. «Вопросы педагогической психологии» (на лит. яз.). Изд. педагогической литературы, Каунас, 1961, стр. 14—26.

Гучас А., Развитие психологии в Литве (конец XIX—начало XX вв.), (на лит. яз., резюме на русск. и англ. яз.), Изд. «Минтис», Вильнюс, 1968, 208 стр.

Йовайтис Л., Некоторые теоретические вопросы подготовки учащихся к выбору профессии (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. VII, 1965, стр. 5—18.

Йовайтис Л., О профессиональном ориентировании в школе (на лит. яз.), Изд. «Швиеса», Каунас, 1968, 104 стр.

Карвалис В., Динамика операции сравнения у умственно-отсталых детей в процессе конструктивной деятельности (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. VIII, 1966, стр. 41—46.

Крягжде С., О некоторых вопросах профессиональной ориентации в средних общеобразовательных школах Литовской ССР (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. II, 1962, стр. 5—18.

Крягжде С., Некоторые особенности развития профессиональных интересов у студентов педагогического института, «Педагогика и психология», т. VIII, 1966, стр. 5—10.

Лале Ю., Об измерительной функции руки, Доклады АГН РСФСР, № 5, 1960.

Лале Ю., Влияние физических свойств предмета на восприятие осязанием (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. II, 1962, стр. 71—82.

Лаужикас И., Очерки по воспитанию воли учащихся (на лит. яз.), Изд. НИИШ Лит. ССР, Вильнюс, 1965, 359 стр.

Материалы коллоквиума лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи, под ред. В. А. Артемова и Б. И. Свечевичюса (на лит. и русск. яз.), I, Вильнюс, 1964; II, 1966.

Материалы конференции психологов Прибалтики 17—19 июня 1966 г., Вильнюс, 1966, 102 стр.

Нячюнас В., Об индивидуальных различиях темпа речевых ассоциаций при изучении языков (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. VIII, 1966, стр. 11—19.

Палайма Ю., Развитие инициативности и решительности баскетболистов, Сб. «Вопросы педагогической психологии» (на лит. яз.), Изд. пед. литературы, Каунас, 1961, стр. 81—94.

Палайма Ю., Преодоление отрицательных эмоциональных состояний в спорте, Сб. «Психологическая подготовка спортсмена», Москва, 1965.

Палайма Ю., Мотивы спортивной деятельности, Ж. «Теория и практика физической культуры», № 8, 1966.

Паужайте С. А., Экспериментальное исследование сенсорной и моторной структуры в дозировочных реакциях, Сб. «Проблемы общей и инженерной психологии», Ленинград, 1964.

Паужайте С. А., Индивидуальные различия в дозировочных реакциях (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. VII, 1965, стр. 63—69.

Плечкайтис Р., Обзор преподавания психологии в учебных заведениях Литвы в конце XVII в.—в начале первой половины XVIII в. (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. III, 1962, стр. 99—114.

Плечкайтис Р., Преподавание психологии в курсе философии в учебных заведениях Литвы во второй половине XVIII в. (на лит. яз.), «Философия», т. VI, 1965, стр. 93—109.

Психология. Малая Литовская советская энциклопедия (на лит. яз.), т. II, Вильнюс, 1968.

Пянкаускас А., Эффективность восприятия сигнальных раздражителей различной плотности при разных дистанциях наблюдения (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. VII, 1965, стр. 35—47.

Пянкаускас А., Эффективность восприятия зрительных сигнальных раздражителей в зависимости от их плотности (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. VII, 1965, стр. 49—62.

Римкуте Э., Некоторые особенности восприятия фигуры в условиях дефицита времени (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. VIII, 1966, стр. 47—55.

Римкуте Э., О динамике и некоторых этапах зрительного поиска в затрудненных условиях, «Педагогика и психология», т. IX (I), 1968, стр. 19—31.

Тезисы докладов на Прибалтийской межреспубликанской конференции по проблемам психологии труда, трудового воспитания, мышления и речи, Вильнюс, 1960, 32 стр.

Тезисы докладов республиканской научной конференции психологов (на лит. яз.), Вильнюс, 1965, 64 стр.

Элиёшюте С., О реакции побуждаемого на речевое побуждение к действию, «Педагогика и психология», т. IX (I), 1968, стр. 113—118.

Яцкиявичюс А., Динамика ассоциаций в усвоении второго языка, Ученые зап. Кяуляйского педагогического института, I, 1959.

Яцкиявичюс А., Некоторые психологические особенности слухового перевода предложений в процессе формирования двуязычия (на лит. яз.), Сб. «Вопросы педагогической психологии», Каунас, 1961, стр. 59—79.

Яцкиявичюс А., О продуктивности вербальной памяти в системе двух языков, «Педагогика и психология», т. VII, 1965, стр. 71—76.

Яцкиявичюс А., Развитие психологии в Советской Литве (на лит. яз.), «Педагогика и психология», т. IX (I), 1968, стр. 5—18.

PAGRINDINIAI PSICHOLOGINĖS MINTIES RAIDOS LIETUVOJE ETAPAI

(Istorinė apžvalga)

A. GUČAS

Re z i u m ė

Straipsnyje trumpai apžvelgiama psichologinė mintis Lietuvoje nuo jos užuomazgų iki šių dienų. Plačiau sustojama ties tarybiniu laikotarpiu.

THE MAIN STAGES OF THE DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL THOUGHT IN LITHUANIA

(A historical review)

A. GUČAS

S u m m a r y

The article presents a brief review of psychological thought in Lithuania from its origin till the present time. Particular attention is paid to the activities of psychologists in the Soviet period.